

Результатом здійснення проекту був швидкий розвиток торгівлі. В 1785 році з Херсона в Марсель прийшло 12 судів, з них - 11 судів Антуана. Фактично він став монополістом торговельних перевезень Херсон - Марсель.

Міфологізація фігур французьких діячів у суспільній свідомості жителів регіону була типовим, однак, не обов'язковим явищем. Існує безліч імен, що майже залишилися без "шарму міфологізації", і нині відомих лише вузькому колу істориків. Назвемо, як приклад ім'я - барон Франц Тотт (1733-1797).

Інженер і письменник, що перебував на французькій службі. Вивчивши турецькі справи, представив декілька проєктів про союз Франції з Кримським Ханом і для виконання їх був посланий у Бахчисарай в 1769 р. Війна між Росією й Португою змусила барона Тотта покинути Крим. Він відправився в Константинополь, де зробив Порті важливі послуги для модернізації турецької артилерії й взагалі турецьких військ. Коли в 1770 р. російський флот загрожував з Архіпелагу Константинополю, барон Тотт вжив діяльних заходів до посилення укріплень у Дарданелльській протоці й берегових батареях. Але не дивлячись на його заслуги, не одержав належної оцінки своїм діям і в 1776 р. покинув Туреччину. Багато подорожував по Сходу, результати своїх подорожей і спостережень залишив у вигляді дуже популярного в XIX столітті добутку "Memoires sur les turcs et tartares, 1784". В 1781 р. був підвищений у бригадні генерали, але в 1790 р. був вигнаний із Франції як аристократ.

Отже, сучасна багатокультурність південноукраїнського регіону почала формуватися з перших днів освоєння краю, як складна структура. Сьогодні ми маємо можливість простежити процес поступового культурного розвитку краю, об'єднавши культурні тенденції, економічні показники, простеживши демографічний рух представників різних народів. Констатуючи особливість, характерну для південних міст сучасної України, ми стверджуємо, що це відбулося завдяки взаємовпливу, взаємозбагаченню місцевої слов'янської та європейських культур.

Джерела та література:

1. Юрченко П. Чотири епохи в житті міста Феодосії. Рукопис колишнього австрійського консула Фелікса Логарье / П. Юрченко // Записки ООИД. – 1889. – Т. 15.
2. Дружиніна О. І. Північне Причорномор'я. 1775-1800 / О. І. Дружиніна. – М. : Наука, 1970. – 382 с.
3. Скальковский А. А. Херсон с 1774 до 1794 год / А. А. Скальковский. – СПб., 1836.
4. Альперович М. С. Франсиско де Миранда в России / М. С. Альперович. – М. : Наука, 1986. – 352 с.
5. Алпатов М. А. Записки Сегюра (1785-1789) / М. А. Алпатов // ННИ. – 1980. – № 6. – С. 159.
6. Записки ООИД. – 1883. – Т. 13.
7. Штранге М. М. Историко-статистический опыт о торговых и промышленных силах Одессы / М. М. Штранге. – Одеса : Городская Типография, 1839. – 88 с.
8. Державний Архів Одеської області. – Ф. 174. – Оп. 1 : Скальковский Аполлон Александрович. – Д. 1.

Денисенко А.В.

УДК 130.2

АКСИОЛОГОЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

ГЕНЗИС ПОНИМАНИЯ КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЫ. С течением времени понимание культурной сферы и самого термина «культура» изменялось. И сегодня мы вкладываем в это слово иное значение, нежели, к примеру, во времена античности. «В XX веке понятие «культура» стало предельно многозначным, утратив всякую содержательную определенность. Недаром по разным подсчетам на сегодняшний день одних определенных культуры от 250 до 400 с лишним» [1. 68 с.]. Что есть культура сама по себе? Что заставляет человека совершать действия, которые позже и воспринимаются как культура? Чьей рукой были засеяны сады культур человечества? И в чём же, наконец, суть тонкой оболочки второй природы, что подобно коже яблока скрывает динамическую мякоть народов от пытливого взгляда исследователя?

Точкой отсчёта исторического пути становления категории культуры часто считаются слова Цицерона «Cultura animi philosophia est» - «Философия - это возделывание души». Именно Цицерон впервые употребил слово Cultura в переносном значении, как метафору. Приложив «сельскохозяйственное значение» слова cultura к человеческой душе, он сформулировал понятие которое, видоизменяясь и наполняясь новым содержанием, дошло до наших дней. «Как плодоносное поле без возделывания не дает урожая, так и душа. Возделывание души (cultura animi) - философия: она выпалывает в душе пороки, приготавливает душу к принятию посева и ввергает ей только те семена, которые, вызрев, приносят обильный урожай» [15. 252 с.]. Академик Степанов утверждает, что с именем Цицерона связывается «формирование концепта культура в римской духовной жизни» [8. 14 с.].

На сегодняшний день общественным сознанием «культура» воспринимается как воспитание и образование. В контексте воспитания и образования «культура» воспринимается как нечто дополняющее, а иногда и исправляющее человеческую природу и даже противостоящее ей. Образование и воспитание составляют содержание культуры всех народов, сохраняющих культурную преемственность и традиции как форму коллективного опыта. Однако в этом случае контекст понятия «культуры» искажается. Не принимается во внимание сакральная составляющая понятия «культура» - поклонение, почитание, культ. «В древности человек постоянно находился в окружении богов: он встречался с ними в поле и в роще, в зелени деревьев, в тенистых гротах и речных заводях, но боги жили и в городе, и в доме человека, они оберегали городские законы и безопасность граждан. Не случайно известный эллинист Макс Поленц

вообще отождествляет благочестие с полисным патриотизмом» [3. 20 с.]. В полисе культура была одновременно «возделыванием», «культом» и «воспитанием».

Ю. С. Степанов, в своей книге «Словарь русской культуры» отмечает: «Поскольку предметом заботы человека было не только само место, земля, но и божество, которое его охраняло, то развилось особое значение «почитать», «ублажать бога», откуда *cultus* «попечение, забота о божестве» – «культ». Но «и бог заботится о людях, проживающих в данном месте, – отсюда то же значение, но с субъектом «бог»: «покровительствовать, хранить (человека) (ср. русское Да хранит тебя Бог!), и второе значение латинского слова *cultus* «культ» – «попечение о человеке»» [5. 15 с.].

Степановым подчеркивается, что вместе перечисленные значения составляют древнейший комплекс латинского слова *cultura*. Его концепт включает в себя три грани единого смысла: «обустройством того места, где живешь; прежде всего обработка земли, уход за ней; почитание богов - хранителей этого места; бережение богами людей, которые в таком месте живут и которые так хорошо поступают» [5. 15 с.].

Процесс подготовки гражданина в античном полисе состоял в формировании зрелого мужа из несмышлёного ребёнка, что и обозначали греки при помощи понятия «пайдейя» (*país* – ребенок). Однако ценности греческой «пайдейи» выходят за пределы педагогической сферы и формируются как нормы и образцы в контексте культуры. Французский исследователь А.-И. Марру, в своей работе «История воспитания в Античности» пишет «*Παιδεία*, становится обозначением культуры, понимаемой в том результативном значении, которое это слово приобрело у нас сегодня... Образование, *παιδεία* – это уже не занятие ребенка *παίς*, с известной торопливостью снаряжающее его для взрослой жизни; благодаря примечательной импликации *αύξησις* (возрастание), это слово стало означать в греческом языке эллинистического периода результат воспитания, продолженного за пределы школьного возраста в течение всей остальной жизни, чтобы более полно воплотить идеал человека» [14. 142 с.]. Так как «для эллинистического человека единственная цель человеческого существования – это достичь наиболее богатой и совершенной формы развития своей личности» [14. 141 с.], то такой человек неизбежно обращает свой взор внутрь себя, и совершенствует свою личность не только в контексте социума. «Обрати свой взор внутрь себя и смотри; если ты еще не видишь в себе красоты, поступай, как скульптор, придающий красоту статуе: он убирает лишнее, обтачивает, полирует, шлифует до тех пор, пока лицо статуи не станет прекрасным; подобно ему, избавляйся от ненужного, выпрямляй искривления, возвращай блеск тому, что помутнело, и не уставай лепить свою собственную статую до тех пор, пока не засияет божественный блеск добродетели» [17. 12 с.].

Ныне являясь неотъемлемой частью любой религии, духовное совершенствование в древней Греции было частью культуры. Таким образом, греческая идея воспитания (пайдейи), в сравнении с современными понятиями воспитания, предстает как гораздо более всеобъемлющая.

«С позиций современного научного понимания культура нередко определяется как совокупность элементов природы, переработанных людьми в своих интересах (понимая при этом в числе элементов природы и самого человека, в частности его мозг и способность к сознанию). Иначе говоря, природа – это все, что еще не культура, а культура – это все, что уже не природа» [10. 124 с.]. Но имеет ли смысл неприродное бытие человека и человечества именовать культурой?

В заключении к своей статье «Игнатий Лойола и Дон Кихот» Пётр Бицилли ясно формулирует культурологический аспект данной проблемы: «Ни древности, ни средневековью не было известно понятие культуры в смысле деятельности, посвященной обработке и переработке природы. Последними словами античной премудрости и основой жизненного поведения было знание природы и жизни «сообразно природе» [7. 224 с.]. Бицилли считает, что средневековье унаследовало от античного мира понятие естественного закона и естественного права. Для формирования европейского концепта культуры была необходима идея самозаконности человека, но такая идея была недоступна средневековому мировоззрению. Философ заключает, если действительно верно то, «что идея культуры органически связана с христианством, то все же надо сказать, что идею культуры христианское человечество выработало в процессе своего духовного развития лишь к началу «Нового времени» [14. 227 с.]. По мнению Бицилли не только античное, но и средневековое мировоззрение было еще не готово к восприятию «культуры» как особой формы человеческой активности, противопоставленной природе.

Русский автор пишет, что средневековье противопоставляло природе не культуру, но Бога – сверхприродный, надприродный мир. И к этому надприродному, Божественному миру человек средневековья прибегает не посредством самозаконной творческой деятельности, но путем созерцания и откровения. «Искушение, в смысле освобождения из-под стихийной власти слепого природного закона, мыслилось возможным в средневековье только посредством ухода от «мира», бегства от природы, смерти, а никак не на путях творческого преодоления природы, утверждения своей самозаконности и подчинения природы этой последней» [14. 227 с.].

Резюмируя мысль П. Бицилли, можно сказать, что статус понятия метафора Цицерона могла впервые обрести только в Новое время. На рубеже XVII-XVIII веков «культура» утрачивает свой первоначальный смысл, «происходит универсализация термина: слово культура, относящееся к частным процессам, все чаще используется при характеристике процессов развития и совершенствования вообще» [16. 35 с.], и «такие термины, как культура ума (или души), начинают восприниматься прямо и непосредственно, а не в переносном смысле» [16. 35 с.]. Только к концу XVIII века термин «культура» приобретает терминологическую законченность и строгость, а на рубеже XVIII-XIX веков термин становится предметом

теоретико-философской рефлексии, в ходе которой формируются новые акценты, изменяется содержание и объём термина «культура».

АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ. За любыми понятиями, терминами и теориями всегда стоят конкретные люди - субъекты, находящийся в состоянии рефлексии над объектами окружающего мира. Но, чтобы понять (а не объяснить) культуру «мало простого понимания субъекта. Понимание культуры должно исходить из понимания ценностей. «Лишь по разрешении проблемы ценностей можно подойти к проблеме субъекта, так или иначе относящегося к ценностям» [5]. Именно система ценностей направляет поведение человека. На базе определённых ценностей у человека возникают соответствующие потребности, потребности рождают мотивацию, мотивация подталкивает человека к действиям, а действия и их результат являют собой культуру. «Если главным мотивом выступает практический интерес, то мы имеем дело со сферой конечного, с миром утилитарно-практического бытия людей. Напротив, если материальная и ментальная деятельность подчинена стремлению к вечным ценностям – к истине, гармонии, добру, красоте и др., то она выводит нас к универсальной по своим придельным основаниям сфере человеческого существования - к миру культуры». [4. 3 с.]. С точки зрения прагматично мыслящего человека, руководствующегося утилитарными ценностями и мотивами, культура представляется принципиально избыточной, и необходимость её всегда сомнительна. Однако, в конечном счёте именно культура обеспечивает социальный и духовный прогресс человечества.

Любое различие в отношении к чему-либо, и в частности к культуре, коренится в различии ценностей. Та, или иная оценка представляет собой точку в аксиологическом пространстве феномена, в которой находится сознание оценивающего субъекта, и координаты этой точке задают ценности.

В.П. Большаков в своей работе «Культура как форма человечности» изучая базовые жизненные потребности и ценности человека, выделяет три уровня культуры.

Низший уровень культуры. Доминирующей потребностью на этом уровне является витальная, потребность в собственной жизни, стремление жить и выжить. Для такого человека все элементы действительности и культуры существуют в отношении к витальным потребностям, как обеспечивающие их удовлетворение. Такой человек «будет ограниченно честным, порядочным, справедливым, но лишь постольку, поскольку это полезно для него» [12. 46 с.]. В ходе этого неизбежно формируется эгоцентрическое сознание. «У “виталистов” обычно обостренный интерес к власти, к ее наличию и использованию для себя ... Главное же, что для человека этого уровня культуры характерно отношение к другим людям, в том числе и к находящимся на более высоких уровнях культуры, как к объектам корысти, выгоды. Этот уровень, именно низший, он непосредственно граничит с бескультурьем, с отсутствием культуры. Люди этого уровня осваивают лишь минимум культуры» [12. 10 с.]. Требуемые обществом внешние проявления культурности им присущи лишь до того предела, до которого эти проявления не мешают хорошо жить, удовлетворяя витальные потребности. Так как базовая потребность укоренена очень прочно, попытки нравственного или эстетического воспитания людей такого уровня людей почти бессмысленны. «Для того, чтобы у них проявилось осознание своего культурного несовершенства, чтобы им был доступен более высокий уровень культуры, необходимо изменить базовую потребность» [12. 10 с.]. Этот уровень хоть и ограничен, но первичен и необходим. В любую эпоху, в любом возрасте человек может оставаться на этом уровне культуры.

Второй, более высокий уровень - *уровень специализированной культуры.* В его основе лежит доминирование интереса к самой жизни, к какой-то из ее сторон, потребность в самореализации. Когда человек выходит на этот уровень культуры, он проявляется через реализацию своих потребностей и возможностей при увлечении каким-то делом (мастерством, профессией или хобби), удовлетворяя потребность жить жизнью своих способностей. «Для людей такого уровня культуры другой человек интересен и ценен как объект профессиональной устремленности или только в связи с ней» [12. 10 с.]. Как отметил И.Кант: «Ученые думают, что все существуют ради них. Дворяне думают так же» [13. 202 с.]. Человек, находящийся на уровне специализированной культуры «старается быть предельно честным перед собой и перед другими, бескомпромиссно справедливым. Милосердие его зачастую принимает широкие масштабы, и оно порой настолько активно, что тому, в отношении кого совершается акт милосердия, становится тошно» [12. 47 с.], ведь «...для него нравственность, идеал нравственной жизни, нравственный долг выше всякого конкретного человека... Абсолютизируются нормы, заповеди, требования, принципы морали. И появляется непреодолимое искушение навязать другим людям определенный тип нравственности, которая считается всечеловечной, а на деле характерна лишь для поколения, слоя, группы» [12. 48 с.]. Нравственная оформленность на этом уровне очевидна, но «Абсолютизируемое добро, как ни парадоксально, может, время от времени оборачиваться злом: духовным насилием, самонасилием, нечуткостью, внутренней изломанностью» [12. 48 с.].

Уровень полноценной культуры характеризуется тем, что безусловной и высшей ценностью для человека является не истина, добро и красота, а другой человек. На этом уровне утверждение другого в качестве доминирующей ценности происходит естественно, а не за счёт жертвенной самоотдачи. Для человека находящегося на уровне полноценной культуры «важно не убеждение, что надо творить добро, а желание его творить и умение делать это не вообще, а в отношении к конкретному другому человеку» [12. 48 с.], при этом у него совершенно отсутствуют ригоризм и проповедничество. Учитывая своеобразие реальных ситуаций, он осторожен и избирателен в отношении к нарушениям норм и нравственных принципов другими людьми. Оставаясь обычным человеком, который не избегает греха и безнравственности, ведь «Чистая совесть есть изобретение дьявола» [11. 309], он всегда помнит о своем нравственном несовершенстве, о том, что право судить в сфере нравственности сомнительно. «Главными

оказываются деликатность, такт, не позволяющие напрасно оскорбить другого своим нравственным якобы превосходством» [12. 49 с.]. Причём милосердие и забота такого человека чаще всего просто незаметны. В «Культуре и этике» Швейцер писал: «Я должен прощать тихо и незаметно. Я вообще не прощаю, я вообще не довожу до этого» [11. 306]. Однако деликатность и такт не предполагают бездеятельности. Люди высшего уровня культуры борются со злом с помощью суда над собой, а не над другими, и воздействует на других прежде всего этим. Они ищут мира с врагами внешними, и ведёт непримиримую войну с врагами внутри себя. Но «Не исключено и осуждение зла, при противодействии ему, когда человек оказывается в нравственной оппозиции к явной античеловечности намерений и действий других людей (фашизм, расизм, антисемитизм и т. д.)» [12. 49 с.]. На этом уровне культура полноценна именно потому, что истина, добро, красота все это в данном случае только разные выражения одного – человечности человека.

Безусловно, в жизни все гораздо сложнее, и есть, видимо, промежуточные уровни между первым и вторым, вторым и третьим. Но данная градация культуры примечательна прежде всего тем, что она перекликается с более древним знанием, описанным в одном из священных текстов индуизма Бхагавад-Гите. Только в Бхагавад-Гите подобная градация распространяется на всю материальную природу. Согласно Ведам в нашем мире всё управляется энергиями, которые исходят от Бога (Ади Пуруша, Пара Брахман). Вся вселенная управляется тремя энергиями: внутренняя энергия Бога, пограничная энергия, внешняя энергия. Внешняя энергия Бога – иллюзорная энергия, майя. Майя представлена в нашем мире тремя энергиями: энергия созидания – Раджас (переводится на русский как страсть), энергия поддержания – сатва (благость), энергия разрушения – тамос (невежество). «Материальная природа состоит из трёх гунн – благости, страсти и невежества. Когда вечное живое существо входит в соприкосновение с материальной природой, эти гунны обуславливают его» [2. 625 с.]. Согласно Ведам живое существо попадает в материальный мир, когда у него возникает желание почувствовать себя отдельным от Бога, поцарствовать, насладиться, испытать счастье отдельно от Бога. Гуны материальной природы это силы, которые дают возможность выполнить желания живого существа, и в тоже время связывают его, и удерживают в материальном мире.

Если сравнивать уровни культуры Большакова и ведическое знание о гуннах, то низшему уровню культуры будет соответствовать гуна невежества (тамос), уровню специализированной культуры – гуна страсти (раджас), уровню полноценной культуры – гуна благости (сатва).

Люди отличаются между собой вкусами к счастью. В зависимости от того, под влиянием какой гуны находится человек, у него развивается определённый вкус к счастью, и вся его деятельность направляется на достижение счастья, соответствующего этому вкусу. Таким образом, вкус к счастью является смыслообразующим для человека. Вкусом к счастью в невежестве является безудержное наслаждение своего тела, своих органов чувств (чрезмерный сон, чревоугодие, секс, алкоголь, наркотики). Вкус к счастью в страсти – это неограниченное вождение счастья для себя, деятельность нацеленная на удовлетворение своего эго (различные виды привязанностей, сепаратизм, алчность, тяжёлая работа ради престижа и денег...). Вкус к счастью в благости – это деятельность для других (ответственность, забота, терпение...). «Гуна благости обуславливает живое существо ощущением счастья, гуна страсти – корыстной деятельностью, а гуна невежества, покрывая знание живого существа, связывает его путями безумия» [2. 628 с.].

Таким образом, в рамках индуистского дискурса, аксиологическое пространство культуры можно условно разделить на три интервала: низшая культура – тамос, специализированная культура – раджас, полноценная культура – сатва. Каждый интервал транслирует определённый «вкус к счастью» и ценности. "Мир, в котором мы живем, движем не только бессознательными силами, но также, - и в более решающей степени, - человеческими ценностями... и что борьба за спасение планеты становится, в конечном итоге, борьбой за ценности более высокого порядка" [18. 74 с.]. Когда мы говорим о том, что культура сегодня нередко определяется как совокупность элементов природы, переработанных людьми в своих интересах, стоит задать вопрос – а в каком интервале находятся интересы человека? Какие ценности он транслирует?

В своей лекции «Критический идеализм как философия культуры» Эрнст Кассирер говорил «Главная задача всех форм культуры состоит в том, чтобы создать всеобщий мир мыслей и чувствования, мир человечности...» [8. 141с.]. Сходное мнение в статье «Принципы развития современного понимания культуры» высказал и В. П. Большаков: «Культурная оформленность, таким образом, определено содержательна. Если человечности как содержания нет, то нет и культуры, но возможна форма, подобная культурной (с другим содержанием), имитация культуры, то, что называют псевдокультурой. В форме же культуры должна быть выражена какая-то из граней очеловеченности, облагороженности бытия» [1. 73 с.], ведь «культурное и человеческое - одного онтологического корня» [4. 4 с.]. Человеческие творения первоначально возникают в мысли, в духе, и лишь затем объективируются в знаки и предметы. «Мир культуры очевидно создан людьми, почему принципы его развития возможно открыть в видоизменениях самого человеческого сознания» [6. 118 с.]. Поставив во главу угла эгоизм - действия во имя своих собственных инеттересов, а не во имя инетересов ближних, человек всё больше напоминает людоеда, который ест ножом и вилкой. Но прогресс ли это культуры? Согласившись определять культуру в качестве «прогресса человека и человечества во всех областях и направлениях», Швейцер видимо, справедливо ввел ограничительное условие: к культуре относится не любой прогресс, а лишь тот, что служит «духовному совершенствованию индивида как прогресса прогрессов» [11. 103 с.].

Меняются времена, сменяют друг друга культуры, изменяется и человек. Подобно зеркалу, культура отражает нас теперешних в пространстве и времени – со всеми нашими страхами и желаниями, ценностями

и приоритетами. Но есть то, над чем время не властно – честность, доброта, забота, ответственность, любовь ко всему существу. И когда мы говорим, что понятие «культура» изначально имело религиозно-нравственный смысл, не стоит забывать, что именно эти вечные ценности составляют стержень любой религии и являются целью любого нравственно совершенствующегося человека. «Культура есть не что иное, как реализация идеально-ценностных целей, как «переселение» ценностей из мира дольного в мир сущий, не что иное, как осуществление идеала» [3. 23 с.]. Не любя свой дом, не любя окружающих людей, не испытываю благоговения перед жизнью невозможно любить Бога, и уж тем более, не возможно быть по-настоящему культурным.

Источники и литература:

1. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. – 320 с.
2. Бхагавад-Гита как она есть / Бхактиведанта Свами Прабхупада. – М. : The Bhaktivedanta Book Trust, 2007. – 816 с.
3. Внешние и внутренние факторы развития культуры / Н. З. Чавчавадзе. – Тбилиси : Культура и общественное развитие, 1979. – 223 с.
4. Вселенная культуры : стратегемы и ценности / Ф. В. Лазарев, Брюс А. Литтл. – Симферополь : Соната, 2005. – 192 с.
5. Риккерт Г. Ценность и действительность : [Электронный ресурс] / Г. Риккерт. – Режим доступа : http://kulturoznanie.ru/?work=cennost_i_deistvitel'nost
6. Культурология. XX век : антология / С. Я. Левит. – М. : Юрист, 1995. – 703 с.
7. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
8. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – М. : Академический проект, 2000. – 207 с.
9. Культура и этика / А. Швейцер. – М. : Прогресс, 1973. – 344 с.
10. Культура как форма человечности / В. П. Большаков. – Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. – 92 с.
11. Кант И. Соч. : в 6 т. / И. Кант; под общ. ред. : В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – 511 с.
12. Марру А.-И. История воспитания в античности (Греция) / А.-И. Марру; пер. с фр. : А. И. Любжина, М. А. Сокольской, А. В. Пахомовой. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. – 384 с.
13. Цицерон М. Т. Избранные сочинения. Тускуланские беседы / М. Т. Цицерон; пер. М. Гаспарова. – М., 1975. – 456 с.
14. Открытие идеи культуры. Опыт русской культурологии середины XIX - начала XX веков / Ю. Асоян, А. Малафеев. – М., 2000. – 344 с.
15. Плотин. Эннеады : т. 1 / Плотин; пер. Т. Г. Сидаша; под ред. О. Л. Абышко. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2004. – 378 с. – (Plotiniana).
16. Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб. : Алетейя, 2008. – Т. I : Теория культуры. – 432 с.

Донская Е.В.

УДК 7.037.2

ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ МУЗЫКАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОГО СИНТЕЗА, РАЗВИТЫЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Введение и постановка проблемы. Выдающиеся творцы Серебряного века внесли неоценимый вклад в мировую культуру не только совокупностью созданных в этот период произведений, но и выработкой новых специфических приемов художественного синтеза, методов построения музыкально-поэтических образов. Выделить эти приёмы и методы, изучить и обосновать их структуру, особенности применения, направленность на построение сложных синтетических художественных образов – задача, попытка решения которой представлена в настоящей статье. **Цель и сущность** исследуемой проблемы состоит в раскрытии (в терминологии А. Я. Флиера) “механики” порождения музыкально-поэтических синтетических образов, их интеграции в художественные тексты.

Характеризуя **состояние исследуемой проблемы**, можно отметить следующее. Исследования в области синтеза в художественной культуре активно проводятся украинскими учёными: Авдеевой Л. В., Беляевой Л. Г., Борисовой Л. М., Бреусенко-Кузнецовым А. А., Воеводиной А.В., Гармаш Л. В., Громовым В. Е., Дженковой Н. М., Капичиной О. О., Климовой Е. В., Лапкныш Л.А., Михалёвым В. П., Силантьевой В. И., Сыромлей Н. М., Тимошенко Ю. В., Усачёвым В. А., Шульдишовой А.А. и другими; феномену синтеза искусств в культуре Серебряного века посвящены работы учёных школы профессора Д. С. Берестовской – Кокориной Е. Г., Курьяновой И. А., Шевчук В. Г., Элькан О. Б. и др. Различным вопросам синтеза искусств посвящены работы российских и зарубежных ученых: Е. В. Аверьяновой, И. А. Азизян, А. Андрияускаса, К. Бахтадзе, А. Бергера, Ю. Б. Борева, Н. В. Брагинской, Н. С. Буртасовой, И. Л. Ванечкиной, С. А. Васильева, Б. М. Галеева, Е. К. Дмитриевой, Л. Ф. Кациса, Р. Г. Крауклиса, А. Ю. Криворучко, Л. Н. Мун и многих других. Однако, несмотря на обилие научных работ, посвященных различным аспектам культуры Серебряного века (в том числе синтезу искусств), целенаправленное изучение и обобщение приемов и методов музыкально-поэтического синтеза, созданных творцами этого периода, не проводилось. Важность раскрытия и систематизации этих приемов и методов определяет **актуальность** научного исследования,